

ОТ ИЗДАТЕЛЯ	7
ЖИЗНЬ И ТРУД ДОКТОРА СПЕНСЕРА БЛЭКА	
1851–1868: ДЕТСТВО	11
1869: МЕДИЦИНСКАЯ АКАДЕМИЯ	15
1870: «ПАЛАТА С»	22
1871–1877: БРАК И ТРАНСФОРМАЦИЯ	26
1878: МАЛЬЧИК-ОЛЕНЕНОК	33
1879–1887: «АМЕРИКАНСКИЙ КАРНАВАЛ»	37
1888–1908: «РЕНЕССАНС ЧЕЛОВЕКА»	50
КОДЕКС ВЫМЕРШИХ ЖИВОТНЫХ	
СФИНКС КРЫЛАТЫЙ	68
СИРЕНА ОКЕАНИЧЕСКАЯ	78
САТИР КОЗЛИНЫЙ	90
МИНОТАВР АСТЕРИЙ	98
ГАНЕША ВОСТОЧНЫЙ	108
ХИМЕРА ОГНЕДЫШАЩАЯ	120
СОБАКА АДСКАЯ	130
ПЕГАС ГОРГОНОВЫЙ	140
ДРАКОН ВОСТОЧНЫЙ	152
КЕНТАВР ЛОШАДИНЫЙ	164
ГАРПИЯ ЭРИНИЙСКАЯ	174

ОТ ИЗДАТЕЛЯ

Эта книга не появилась бы на свет без неустанных усилий и щедрой финансовой поддержки Филадельфийского музея медицинских древностей.

На протяжении последних пятнадцати лет его хранители посетили множество частных коллекций США и Европы, разыскивая утерянные дневники, письма и рисунки доктора Спенсера Блэка, одного из наиболее выдающихся врачей и вольнодумцев от науки, каких только знавала западная цивилизация.

Как уже, несомненно, известно большинству медиков, включая студентов, доктор Блэк обрел славу в конце XIX столетия благодаря своим передовым достижениям в лечении генетических аномалий. Подлинный гений доктора Блэка неоспорим: его работы были известны среди хирургов всего мира еще прежде, чем он достиг двадцати одного года. Однако профессиональное признание оказалось недолгим: более поздние работы доктора в большинстве своем остаются окутаны спорами, слухами и намеками на отвратительные святотатства. Благодаря собранному здесь материалам мы теперь знаем, что личные и профессиональные деяния доктора Блэка имели куда более вызывающий характер, чем что-либо из готических романов, которые пользовались популярностью при его жизни.

Многие из писем и иллюстраций, вошедших в эту книгу, были переданы из имения брата доктора Блэка, Бернарда. В последний раз эти материалы можно было видеть на Международной конвенции современной науки 1938 года (где их показ оказался непродолжительным по причине неодобрительной реакции публики). Иные письма, дневники и рисунки попали к нам напрямую от анонимных дарителей и публикуются впервые. Благодаря им появляется возможность взглянуть на личную жизнь и профессиональные достижения доктора под новым углом.

В начале настоящего издания представлена наиболее полная биография самого противоречивого на сегодняшний день хирурга западного мира. Далее следует практически полностью воссозданный важнейший труд доктора Блэка — «Кодекс вымерших животных».

Вместе эти два удивительных раздела составляют фундаментальное исследование доктора Спенсера Блэка. Вместе это — «Воскреситель».

ЖИЗНЬ
ДОКТОРА
СПЕНСЕРА БЛЭКА

1851 – 1868

ДЕТСТВО

*В моем детском воображении гневливая рука Божья
была всегда наготове и всегда рядом.*

Спенсер Блэк

Спенсер Блэк и его старший брат Бернард родились в Бостоне, штат Массачусетс, в 1851 и 1848 годах соответственно. Их отцом был известный хирург Грегори Блэк. Мать, Мередит Блэк, скончалась при родах Спенсера, и ее кончина вызывала великое смятение в душе у обоих мальчиков на протяжении всего их детства.

Грегори Блэк был уважаемым профессором анатомии в Бостонском колледже медицинских искусств. Он проводил для студентов вскрытия во времена, когда трупы были в дефиците, а анатомам, чтобы проводить исследования, приходилось полагаться на расхитителей могил. Несколько своих любимых трупов он сохранил, одел и выставил у себя в кабинете, устроив таким образом чудовищную антропоморфную экспозицию. Поскольку же он являлся одним из ведущих профессоров, а численность студентов с каждым годом росла, его потребность в телах превышала официальную норму. Он входил в число основных покупателей ворованных трупов и вдобавок выкапывал их сам, заручившись помощью сыновей. Вот как Спенсер Блэк описывает этот опыт в своем дневнике:

Мне было не более одиннадцати лет, когда начались эти мытарства. Той ночью, что я помню яснее всего, меня вытолкали из кровати вслед за Бернардом, моим братом, старше меня на три года. Его всегда поднимали первым, чтобы он помог запрячь лошадь и подготовить повозку.

За несколько часов до рассвета, при ночной прохладе, мы спустились к реке, где можно было пересечь мост, а за ним шла дорога темная и беспросветная — то, что надо, если хочешь проникнуть на кладбище незамеченным.

Мы ехали тихо, ибо привлекать к себе внимание было ни к чему. Ночь выдалась влажная — недавно прошел дождь, и я еще чувствовал в воздухе запах сырости. Мы медленно направились через мост. Помню, как повозка натужно скрипела колесами, угрожая любимым резким звуком разбудить жителей окрестностей и разжечь в них любопытство. От нашей старой лошади поднимался пар. Ее тяжелое дыхание успокаивало; это было невинное существо — и при этом наш сообщник. Внизу тихо журчал узкий ручей, но в темноте его было не разглядеть. Когда мы пересекли мост и очутились на поросшей мхом земле вокруг кладбища, все звуки, что мы издавали своим унылым продвижением, разом стихли. Едва проникнув на территорию, отец расслабился, у него улучшилось настроение, и он весело, пусть и без лишнего шума, повел нас к свежему месту упокоения чьей-то души. Нас называли резуррекционистами, расхитителями могил.

Ребенком я не имел того предубеждения против веры в Господа, что имею сейчас. Отец мой не был религиозен, в отличие от деда и бабушки, которые дали мне глубокое богословское образование. И меня весьма пугало то, что мы сделали той ночью; среди всех страшных грехов, что может совершить человек, похищение мертвых представлялось мне наихудшим. В моем детском воображении гневливая рука Божья была всегда наготове и всегда рядом. И все же отца я страшился еще сильнее, чем Господа.

Отец вновь заверил нас, что причин для беспокойства или страха нет. Он повторял это всю ночь, пока мы работали лопатами и нас окутывала вонь разложения. Вскоре мы добрались до мягкого сырого деревянного гроба Джаспера Эрла Уэрти. Древесина треснула, выпустив еще больше отвратительного смертного смрада. Я отложил лопату, благодарный отцу за то, что тот сам проломил древесину и высвободил тело, избавив от этой задачи нас. Лицо Джаспера превратилось в серую маску, кожа цветом походила на гнилой апельсин. Так я и познакомился с профессией отца.

Вскоре после этого доктор Блэк записал в дневнике небольшое стихотворение под названием «Страшная картина». Судя по всему, на это его вдохновил именно опыт разграбления могил. Это стихотворение — единственное поэтическое произведение, обнаруженное среди бумаг доктора Блэка, и оно как раз отражает творческое начало, проявившееся впоследствии в его многочисленных иллюстрациях.

Страшная картина

*Однажды ночью лег я спать,
Чтоб страшную картину утром увидеть:
Та, что любил я, отпустила душу.
И в гроб уложена, что в землю был опущен,
Покой и тишь ей обрести дано,
Лежа, пока не явится Господь.
Но я, придя к ней, плача и скорбя,
Увидел, что пропало тело без следа.
Не в небеса унесишь, как должно,
Но из могилы — к доктору на стол.*

Зимой 1868 года отец Спенсера Блэка, Грегори, умер от оспы — болезни, которую, как заметили некоторые, он, с его-то умом, вполне сумел бы излечить, будь предупрежден заранее. Вскоре после похорон Спенсер объявил о решении стать врачом. Из записей Блэка становится очевидно, что он считал смерть явлением абстрактным: он часто называл ее «феноменом живого» и по поводу смерти отца испытывал скорее любопытство, чем скорбь.

Он лежал в могиле, под землей и дерном, а вокруг была лишь тишина. Я прождал немало времени. Думал, что-нибудь услышу: указание или предположение, знак, который подтвердил бы, что его смерть что-то у меня забрала. Но ничего подобного не прозвучало.

Бернард Блэк вел отдельный дневник о своей жизни и занятиях естественными науками вплоть до своего исчезновения в 1908 году. Его жена, Эмма, опубликовала некоторые из его записей в своей книге под названием «Путешествие с американским натуралистом». Эта запись была сделана в неделю смерти отца:

Когда я испытывал величайшую боль, что принесла мне смерть отца, я видел, что Спенсер, в тот же самый момент, пребывал в восторге. Он упоенно прыгнул в отцовскую могилу, гонясь за смертью, надеясь отыскать место, где та укрывалась.

После кончины отца, осенью 1869 года, Спенсер и Бернард переехали в Филадельфию и были помещены под опеку дяди Захарии и тети Айседоры. Похороны стоили больших денег — Грегори хоть и отложил себе на них некоторую сумму, но этого было недостаточно. Захария и Айседора доплатили из собственных сбережений, и, вероятно, немало. Тогда, как и сейчас, приличные похороны обходились недорого.

1869

МЕДИЦИНСКАЯ АКАДЕМИЯ

Истина есть продукт, редко встречающийся в наши эмпирические времена. Как доказать, что солнце ярко светит с обеих сторон? Если я этого сделать не могу, то, значит, это неправда?

Сэр Винсент Холмс, биолог,
основатель Медицинской академии

До переезда в Филадельфию Бернард успел закончить в Бостонском колледже медицинских искусств три курса, тогда как Спенсер — всего один. Оба молодых человека поступили в Филадельфийскую медицинскую академию, чтобы продолжить обучение там. Именно в этот год Спенсер начал вести дневник.

Сентябрь 1869 года

Каково чудо — быть человеком! Я приступаю к написанию этого отчета о моей жизни, хроники моего учения и пребывания в Медицинской академии, что здесь, в Филадельфии — городе, который для меня не родной. Не я избрал себе карьеру в медицине — это сделала судьба, Господь либо некое иное орудие, которому подвластен человек.

Мои родители были хорошими, образованными людьми, но теперь обоих нет на свете. Мать умерла при моем рождении, когда акушером был отец. В одну руку он принял мою жизнь, в другую — ее смерть. После он заговаривал о ней редко.

Зимой шестнадцатого года моей жизни отца погубила оспа — болезнь, что отняла его у нас. Я несомненно скорбел по нему, однако навзрыд не плакал.

Когда он лежал в гробу, я думал: он, вероятно, еще может встать снова. Может подняться из ямы, завернутый в тряпье неизвестными людьми, чьи лица будут скрыты в темноте и замараны сажей и пеплом. Его протащат по тропинке и погрузят в повозку. Еще через несколько мгновений щелкнут поводья, и лошадь увезет его прочь. Мой отец был известным и уважаемым врачом и анатомом. И, конечно, заплатил за множество трупов для своих исследований, а теперь, быть может, снова послужит науке.

Когда человек умирает, он не попадает ни в рай, ни в ад — он исцеляется, избавляется ото всех болезней, освобождается от страданий земной жизни. Наше сознание, наше восприятие есть симптом нашего тела, вторичный относительно тайны нашей физической химии. И именно в этом искреннем рвении к биологии я обещаю преуспеть как ученый-медик. Все тело есть душа, а мой нож глубоко погружается в плоть. Клянусь, что всегда буду править кончиком моего скальпеля с должным почтением.

В Медицинской академии Спенсер Блэк действительно преуспел. И его сверстникам, и преподавателям было очевидно, что вскоре он станет молодым врачом. Чрезвычайно серьезный и не по годам разумный, Спенсер получил известность как один из наиболее многообещающих и одаренных студентов в стране. Однако интересовало Бернарда совершенно иное: он решил сосредоточиться на естественных науках, окаменелостях и истории.

Одним из профессоров, оказавших на Спенсера наибольшее влияние, был Джозеф Уоррен Денкель, шотландский эмигрант, прежде учившийся в Бостонском колледже медицинских искусств с отцом Спенсера, где они и познакомились. Позднее он работал полевым хирургом во время Гражданской войны, где провел сотни ампутаций, многие из которых привели к смерти от попадания инфекции. В Филадельфийской медицинской академии Денкеля знали как приятного в общении врача, который частенько шутил с сотрудниками и пациентами и был склонен к азартным играм и прочим шумным занятиям по вечерам. Познакомившись со Спенсером, он стал ему хорошим другом.

В то время мировая и американская медицина претерпевала резкие и значительные изменения. Врачи начинали постигать природу бактерий и их роль в развитии инфекций. Улучшались санитарные нормы. Получала распространение практика мыть руки или окунать их в карболовую кислоту, отказавшись от старого мнения о том, что засохшая кровь на руках хирурга действует как санитарный барьер или что санитарные меры, принимаемые во время операции, не имеют никакого

отношения к инфекции. Внедрение анестезии совершило в хирургии революцию: теперь у хирургов появилось больше времени на то, чтобы проводить операции, не причиняя пациенту боль. Блэк приветствовал эти достижения и уже стремился привносить свои собственные идеи.

В 1869 году, на первом курсе академии, Блэк начал изучать мутации — особенно физические нарушения, проявлявшиеся самым разительным, необыкновенным и даже критическим образом. Однако изучать людей с такими патологиями было нелегко. Нередко они рано умирали, либо их оказывалось трудно найти, так как они были изолированы от общественности. На ранние работы Блэка большое влияние оказало посещение им музея Гроссмир в Филадельфии. В коллекции этого музея находился знаменитый своей диковинностью скелет *parapagus dicephalus dibrachius* (сросшихся близнецов) — это были две девочки, Элла и Эмили, которые умерли при рождении. Спенсер посвятил свою первую статью их злосчастной патологии. Работа была высоко оценена, однако широкого распространения не получила: ее в основном сочли менее достойной обсуждения, чем исследование инфекционных заболеваний, совершенствование хирургических методов или развитие анестезии. Многие полагали, что молодой врач лишь даром тратит время на врожденные дефекты. Блэк тогда писал о своем разочаровании в дневнике.

Я весь поглощен анатомическими исследованиями. Денкель помогает мне в этом, несмотря на других профессоров, заявивших о моем «ненужном и бесполезном интересе к телесным мутациям». Он либо не знает об их мнении, либо искренне заинтересован в моих исследованиях — но я склонен считать, что дело в последнем.

Чудо жизни даровано каждому, и как это чудо может иметь брак — вот что мне интереснее всего выяснить. Мы с Денкелем готовим еще одну статью, которую опубликуем этой весной. Полагаю, она получится весьма прогрессивной.

В свой первый год в академии Спенсер Блэк начал серьезно заниматься иллюстрированием. Для врача делать наброски к своим заметкам и выводам не было редкостью, но у Блэка получалось весьма хорошо, и по вечерам он находил себе занятие в том, что рисовал для других исследователей. Одним из таковых был знаменитый ботаник и путешественник Джин ДеЛэн.

Коллекция ДеЛэна хранилась в Бродширском университете, который Блэк также частенько посещал. Он продолжал работать на ДеЛэна на протяжении многих лет и за это время нарисовал для него сотни образцов.